

«Мне страх не нравится, что ты поэт...»

Когда я захожу на своё рабочее место, то привычно успокаиваюсь. Вверх налево - занавес, за ним скрыта сцена, вверх направо - зрительный зал. Когда начинается действие, здесь, в оркестровой яме, продолжается жизнь меж двух огней: артисты на сцене и зрители общаются между собой с помощью поклонов и аплодисментов, а оркестр, как фонограмма, без которой не обойтись, буднично совершает свой ежевечерний подвиг.

Играя в яме, артист чувствует себя внутренне даже более комфортно, чем на сцене. С одной стороны, ему не скучно, как на репетиции, он собран, ответственен и взволнован, как в концертном исполнении, но с другой стороны - на него никто не смотрит, можно спокойно побыть с музыкой наедине.

О чём думает музыкант во время работы? «О пустяках... О модах о Парижских...» – как Розина из «Севильского цирюльника». Многоплановое мышление – способность каждого артиста. Иногда, параллельно с исполнением сложнейшей партии, мысль уводит далеко за пределы происходящего. Например, если я смотрю на занавес, то думаю о его бархатной красоте. Он мягкими волнами не спеша плывёт как платье дамы из прошлых веков. Бархат всегда вызывает ощущение роскоши. Именно на нём красуются бриллианты...

Когда я смотрю на зрителей, чьи увлечённые взгляды надо мной и мимо меня устремлены на сцену, то мысленно уникальным голосом Татьяны Дорониной задаю им вопрос: «Любите ли вы театр? Любите ли вы его, как люблю его я?..»

Когда я смотрю вокруг, то вижу своих коллег, думающих каждый о своём. Одни играют хорошо, другие не очень, но все они приходят сюда вопреки вечному желанию всё бросить. Потому что этой профессией не заработаешь на хлеб, и скоро её в пору занести в красную книгу. Потому что бюджет оркестра соответствует только одной заповеди художника: талант должен быть голодным.

Быть может, опера перестала быть одним из самых популярных видов искусства? Или городу не под силу содержать один-единственный симфонический оркестр? Остаётся только мечтать об эпохе Возрождения, когда в одной только Венеции работали одновременно (!) шестнадцать оперных театров...

Тяжёлые времена переживает не только профессия музыканта, я говорю о профессии вообще. Непонятное направление нашей экономики ведёт к уничтожению этого престижного прежде понятия. Оно заменяется более навязчивым: иметь работу. Работа - это заработок, это то, что можно обменять на товар. Профессия – это образ жизни, его сменить трудно, поэтому постепенно она превращается в хобби. Это значит: что-то для души. Результат – артисты приходят на спектакль после рабочего дня, проведённого в борьбе за существование. Приходят на свою третью или четвертую «работу» (иметь только две сейчас уже не модно).

Но это, как говорится, одна сторона медали. Известно, что в классическую эпоху музыкальное мышление как профессионалов, так и потребителей искусства было более развитым. Услышав на премьерах сочинений Моцарта или Гайдна какую-нибудь необычную модуляцию или интересное соло духового инструмента, слушатели могли разразиться аплодисментами, не дожидаясь окончания части. Это характеризовало тонкость и искущённость слушателя того времени. Ему не нужно было дожидаться оценки критиков, чтобы высказать собственное мнение.

Более чем полутравековая деградация музыкального мышления публики, процесс этот не местный, а общечеловеческий, привела к значительному обеднению художественного восприятия общества. Результат – сломанные жизни художников, торжество посредственностей под аплодисменты не умеющего оценить зрителя.

С высоты прочно расшатанной системы ценностей человек почти втёмную решает судьбу другого человека. В музыкальном мире это выглядит примерно так. Артист предлагает своё искусство (это не забава, а выстраданное дитя!). Судья, не имеющий творческих талантов, но преследующий самые разнообразные цели, говорит, что это - плохо. Остальные ценители, играющие роль присяжных, неуверенно высказываются – хорошо! И то и другое недоказуемо. Разыгранная рядом с искусством трагикомедия заканчивается расстановкой сил не в пользу таланта.

Иногда музыканты жалеют, что искусство – не спорт. В нём нет неоспоримости секунд и поражений. Есть очки, выросшие на отношениях и эмоциях, мимо истины, которая оказывается не основной целью.

Что же дальше? А дальше – инстинкт матери, желающей уберечь детей от боли. От такой профессии, например... Знаете, как у Есенина: «Мне страх не нравится, что ты поэт...»